

Книжное обозрение
Book Reviews

DOI: 10.31857/S020596060010883-3

КАВУНЕНКО Л. Ф., ВЕЛЕНТЕЙЧИК Т. Н. ПРЕДОПРЕДЕЛЕННОСТЬ И НЕОЖИДАННОСТЬ. НАУКОВЕДЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ О ЛИДЕРАХ ЦИТИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 615 с. ISBN 978-5-238-03293-1

ФАНДО Роман Алексеевич – Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН; Россия, 125315, Москва, ул. Балтийская, д. 14; E-mail: fando@mail.ru

В современном техногенном мире, когда на нас обрушиваются потоки информации, а привычные взаимоотношения заменяются виртуальными коммуникациями, за мельканием цифр и диаграмм теряются многие ценности и утрачиваются прежние смыслы. Во всех сферах человеческой деятельности, в том числе и в науке, сейчас активно используются количественные показатели, которые становятся инструментами для оценки эффективности работы отдельного человека или организации.

Степень «примитивности» использования наукометрических характеристик была различной в разные периоды постсоветской истории и во многом зависела от управленцев, нежели от самого научного сообщества. Когда ученые начинают анализировать продуктивность ученых по числу публикаций и цитируемости, то

понимаешь, что подобное упрощение не только искажает реальное положение дел, но и подменяет ориентиры развития науки. Чего нельзя сказать о наукометрических исследованиях, проведенных сотрудниками Института исследований научно-технического потенциала и истории науки им. Г. М. Доброва НАН Украины Л. Ф. Кавуненко и Т. Н. Велентейчик. Результатом их многолетней работы стала монография «Предопределенность и неожиданность. Науковедческие очерки о лидерах цитирования историков науки и техники», вышедшая в издательстве «ЮНИТИ-ДАНА» в 2020 г.

Авторы книги на протяжении многих лет занимаются науковедческой тематикой, в том числе публикационной активностью и цитируемостью ученых. Анализ информации о наиболее цитируемых российских историках

науки помог установить, что многие из них работают или работали в ИИЕТ РАН. Украинские науковеды в своей книге рассмотрели биографии 12 научных сотрудников института, которые оказались в авангарде историко-научного сообщества по цитируемости. Материал монографии разделен на три части. В первой представлены историки науки, ушедшие из жизни, во второй – ныне здравствующие ученые, не работающие в ИИЕТ, но продолжающие своими публикациями поддерживать научный рейтинг своего института, в третьей – руководители института разных лет, которые были заняты административной работой, но при этом состоялись как выдающиеся исследователи. Ко времени выхода книги некоторые герои из второй и третьей части (Е. З. Мирская и Э. И. Колчинский), к сожалению, уже покинули этот мир и могли бы соседствовать с учеными из первого раздела.

Кроме наукометрического анализа, проведенного по базам данных *Google Scholar*, РИНЦ, *Scopus* и *Web of Science*, авторы смогли реконструировать научные биографии известных историков науки, привлекая для этого автобиографические материалы, воспоминания коллег и учеников, данные из анкет и интервью. Авторы разработали опросный лист, согласно которому проходило интервьюирование. Ответы на многие нетривиальные вопросы помогли по-новому взглянуть на наших коллег, рассказали о широте их интересов, раскрыли их научные и мировоззренческие позиции,

выявили различные личностные качества и черты характера.

Первый раздел, посвященный биографиям и научному наследию классиков истории науки С. Р. Микулинского, Э. Н. Мирзояна, К. М. Завадского, С. А. Кугеля, построен по общей схеме – начало жизненного пути, краткая научная биография, научные интересы и направления исследований, вклад в науку, работа в ИИЕТ, воспоминания коллег и соавторов, публикационная и редакторская деятельность, цитируемость работ и собственные высказывания, которые идут под заголовком *Ipse dixit* (в переводе с латыни «сам сказал»).

«Герой своего времени» – название главы о Семене Романовиче Микулинском, который пришел в ИИЕТ АН СССР в 1952 г. на должность младшего научного сотрудника и с годами дорос до поста директора института. За время его руководства в 1974–1986 гг. ИИЕТ стал центром мирового уровня по изучению истории естествознания и техники. По инициативе Микулинского в Москве проходили международные конференции и симпозиумы, посвященные историческим, науковедческим и философским проблемам развития науки. Сам он успешно работал в различных научных направлениях: истории эволюционной биологии, методологии и философии науки, науковедении. Авторы книги отмечают, что Семен Романович стоял у истоков науковедения, участвовал в разработке его методологии, задач и структуры. Он считал, что науковедческий анализ должен

охватывать все уровни организации науки — от отдельного учебного и лаборатории до стратегий развития мировой науки. К сожалению, талантливые ученые и организаторы часто являются объектами недовольства со стороны коллег, не избежал этой участи и Микулинский. Клеветнические обвинения его в авторитаризме рассылались в различные инстанции, а те, в свою очередь, «реагировали» на жалобы и осуществляли проверки работы директора. Итогом этой травли стало увольнение Микулинского с руководящего поста, а ИИЕТ потерял в его лице настоящего труженика, преданного истории науки и институту.

Глава «Отдать делу науки всю жизнь» посвящена известному историку и теоретику биологии Эдуарду Николаевичу Мирзояну. Будучи достаточно закрытым человеком, он большое количество времени проводил за чтением научной литературы, старался уходить от конфликтных ситуаций, был сосредоточен на исследовании выбранной проблемы. Автор настоящей рецензии запомнил его мудрую фразу: «Интриги проходят, а книги наши остаются». И книг у Мирзояна оказалось немало, общее их число составило 23 наименования, причем три из них увидели свет после смерти автора. Кавуненко и Велентейчик отмечают, что хорошо известные монографии ученого, получившие известность в научном сообществе, имеют невысокое цитирование в базе данных РИНЦ. Авторы не могут однозначно объяснить подобную картину ссылок

на книги Мирзояна и считают, что данный вопрос требует дополнительных наукометрических исследований. На мой взгляд, причина здесь очевидна — в базе данных РИНЦ отсутствует большинство фундаментальных работ ученого, более того, к базе не привязано огромное число публикаций, которые в 1970–1980-е гг. цитировали книги и статьи Мирзояна.

«Биолог-эволюционист мирового класса» — глава, в которой рассмотрена жизнь и творчество историка и философа науки Кирилла Михайловича Завадского, одна из самых информативных. Возможно, это связано с тем, что наследие Завадского уже неоднократно было проанализировано его учениками. Учитель от бога, он притягивал к себе молодежь, которая стремилась к научному росту и овладению профессиональными навыками. Научная школа Завадского начала формироваться в послевоенный период в ЛГУ, откуда вышло первое поколение его учеников, специалистов в различных областях биологии. В 1960-е гг. ученый подготовил новую плеяду учеников, в основном из студентов и аспирантов философского факультета ЛГУ, где была введена специализация «философские проблемы биологии». В этот период под его руководством были защищены диссертации по философскому осмыслению различных вопросов эволюционной биологии. В 1967 г. Завадский переходит в Ленинградское отделение ИИЕТ, где создает сектор истории и теории эволюционного учения, там же происходит

институционализация его школы и подготовка третьего поколения учеников. Увлеченные эволюционной проблематикой талантливые «завадчане», как их часто называли в научном сообществе, всячески пропагандировали идеи своего учителя, открывая при этом новые страницы истории отечественной и зарубежной биологической науки. В какой-то мере три поколения учеников обеспечили активную цитируемость научных трудов Завадского, в том числе и в последние годы, что является в некотором роде показателем востребованности результатов научной деятельности ученого.

Другому представителю ЛО ИИЕТ, Самуилу Ароновичу Кугелю, посвящена глава «Социологом нельзя стать, социологом нужно родиться». Этот противоречивый заголовок невольно заставляет читателей переосмыслить название книги «Предопределенность и неожиданность». Эзотерический вопрос о предопределенности судьбы человека, в том числе и героев книги, будет неоднократно возникать в процессе знакомства с биографиями историков науки и ученых. Авторы монографии приводят даже примеры знаков судьбы, подсказывающих человеку, что он со временем окажется в историко-научном сообществе, но все это выглядит несколько иллюзорно. Несмотря на то что взятая для названия главы фраза принадлежит самому Кугелю, его биография демонстрирует нам, что путь его в науку был сложен и тернист. Самуил Аронович воочию ощутил

ужасы Великой Отечественной войны, участвовал в форсировании Днепра, освобождении Украины, Молдавии, Румынии, Венгрии, Чехословакии. Вчерашний школьник оказался перед лицом смерти, но продолжал жить надеждой на мирное будущее, сражаясь за свободу своей страны и своего народа. В 19 лет он получил свою первую государственную награду за освобождение Украины. В послевоенный период в стране начались кампании по борьбе с сионизмом и космополитизмом, которые отразились на карьере выпускника Высшего военно-педагогического института им. М. И. Калинина. Специальность науковед Кугель стал осваивать только после прихода в 1968 г. в ЛО ИИЕТ АН СССР, где был создан первый в стране сектор социологии науки. Приведенные в книге интервью с ученым и воспоминания его коллег лишний раз демонстрируют, что высоко цитируемым исследователем и главой школы социологов науки он стал, скорее, не по воле рока, а благодаря постоянному самообразованию, кропотливому труду, желанию быть полезным своим ученикам, любви к научно-исследовательской и организаторской работе.

Во второй раздел «Лидеры» попали не «классические» историки науки, а ученые, интересы которых были сфокусированы на методологии и философии научного познания, науковедении и социологии науки, более того, их исследовательские приоритеты часто менялись, что, согласно концепции Кугеля, характеризует их

высокую профессиональную мобильность. Начинается раздел главой о Сергее Давыдовиче Хайтуне — «Эволюция — мера всем вещам». Хайтун сам по себе яркий и неординарный человек, поэтому и биография его читается на одном дыхании. На его долю выпали странствия по всей стране с родителями — вузовскими преподавателями, затем после окончания МФТИ — работа не по специальности в различных городах и организациях. Только попав в 1972 г. в ИИЕТ, он нашел для себя занятие по душе. Физик по образованию и методолог по призванию, Хайтун проанализировал методы количественного анализа научной деятельности, раскрыл причины современного кризиса философии науки и теории познания, выдвинул собственную версию универсального эволюционизма, способного разрешить кризис теории познания, разработал концепцию сферической асимметрии ускорения космического расширения. В своих публикациях ученый настолько смел, что не боится опровергать законы и истины различных естественных наук. Чего только стоят его заявления об ошибочности утверждения, что энтропия является мерой беспорядка, или его идеи о несостоятельности закона возрастания энтропии как всеобщего закона природы. Складывается впечатление, что Хайтун либо чудак, либо гений, пытающийся изменить наши привычные взгляды и повернуть нас от принципа «человек есть мера всех вещей» к позиции «эволюция — мера всем вещам». Он бунтарь и революционер по натуре,

который отклоняется от мейнстрима и раздражает консервативное научное сообщество, но, как следует из рецензируемой книги, он достаточно популярный и востребованный ученый, так как на его работы ссылаются математики, физики, философы, науковеды и историки науки из разных стран.

Похожий тип научного диссидента являет собой Юрий Викторович Чайковский, которому посвящена глава «Не верь общезвестному». После окончания физфака МГУ он работал преподавателем во 2-ом Московском медицинском институте, потом поступил в аспирантуру Института электронных управляющих машин Минприбора СССР, где защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата технических наук по специальности «техническая кибернетика». В эпоху господства дарвинизма Чайковский на математической модели показал несостоятельность естественного отбора. Недоверие к дарвинизму постепенно сменилось пониманием вымышленности его постулатов и доказательств. Чайковский начал искать ответы на два вопроса: как шел эволюционный процесс на самом деле и почему дарвинизм так прочно укрепился в биологической науке. Так же, как и Хайтун, Чайковский был теоретиком и генератором идей, работал в одиночку. Все 16 книг Хайтуна и 18 книг Чайковского написаны без соавторов. Наверное, они относятся к типу независимых, самодостаточных и уверенных в своих силах ученых, порой

не умеющих соглашаться с чужим мнением и готовых жертвовать многим ради доказательств своей правоты.

Путь Чайковского и Хайтуна из физиков в науковеды не был такой уж редкостью, оказалось, что похожие искания прошла и героиня главы «Физик — социолог науки» Елена Зиновьевна Мирская. В ИИЕТ она пришла работать в сектор социологии науки, а затем возглавила его, продолжив традиции прежнего заведующего В. Ж. Келле. Кавуненко и Велентейчик при написании данной главы провели множество бесед с коллегами Елены Зиновьевны — А. Г. Аллахвердяном, Ю. И. Кривоносным, Т. И. Ульянкиной, С. Б. Шапошником. Такой подход был сродни самому стилю работы Мирской, которая через многочисленные расспросы ученых пыталась понять закономерности функционирования научного сообщества, мотивы поведения ученых, стремление их к различным формам самоорганизации и сотрудничества.

Глава с громким названием «Строитель информационного общества» повествует нам о Сергее Борисовиче Шапошнике. В тексте главы читаем рассказ самого персонажа об учебе в МИФИ на отделении прикладной математики, в аспирантуре ИИЕТ АН СССР, работе в этом же институте, участии в федеральных и региональных проектах по исследованию готовности регионов к информационному обществу. На мой взгляд, есть некоторый дисбаланс между информацией о герое, полученной от коллег,

и сообщенной им самим. Из сотрудников ИИЕТ РАН о «строителе информационного общества» высказался только А. Г. Аллахвердян, и то одним предложением — «высококвалифицированный исследователь, очень ответственно и тщательно проводящий свои исследования», зато на рефлексии Шапошником собственного вклада в науку отведено более двух страниц, а на описание участия его в проектах, финансируемых Всемирным банком, — четыре страницы. С большим интересом читаются трепетные воспоминания Сергея Борисовича о своих учителях и коллегах Б. С. Грязнове, М. А. Розове, Н. И. Кузнецовой, Б. М. Кедрове. Их добрые советы часто помогали ему в работе и, возможно, стали тем самым ключом к успеху в жизни.

Фраза Инара Ивановича Мочалова «В. И. Вернадский был осознан мною как человек-проблема» была взята в заголовок главы о нем не случайно — он на протяжении полувека занимался осмыслением творчества великого мыслителя. В 1970 г. вышла первая его крупная работа «В. И. Вернадский — человек и мыслитель», написанная на основе большого массива архивных материалов. Чем подробнее Мочалов изучал научное и философское наследие Вернадского, тем отчетливее он понимал, что многие идеи ученого скрыты в неизвестных научному сообществу дневниках, письмах, незавершенных трудах. Начался долгий и кропотливый труд, благодаря которому Инар Иванович ввел в научный оборот многочисленные архивные документы

из фондов России и Украины, ценные материалы он также получил от сына Вернадского — Георгия Владимировича Вернадского (Джорджа Вернадского), профессора Йельского университета. Работу в данном направлении корифей ИИЕТ продолжает до сих пор, и конца ей не предвидится не только по причине масштабности фигуры Вернадского, но и по причине гораздо более глубокой. Мочалов, говоря об изучении наследия своего героя, утверждает, что в процессе этого познания мы переходим в существенно иное измерение — в идеальный мир, являющийся актуально бесконечным.

Третий раздел рецензируемой монографии оказался самым объемным. Он назван «Дирижеры» и посвящен руководителям нашего института. Глава «История науки как личная предопределенность» знакомит читателей с научно-организационной, исследовательской и педагогической деятельностью Эдуарда Израилевича Колчинского, директора Санкт-Петербургского филиала ИИЕТ РАН в 1995—2015 гг. Сильное впечатление произвели на меня его ответы на различные вопросы, которые приведены в монографии. Прочитую некоторые его фразы: «Меня никто никогда ни к чему не принуждал», «я берусь за ту или иную статью, если полагаю, что смогу добавить что-то новое к известным фактам или дать их иную интерпретацию», «ученый может заблуждаться, ошибаться и т. д., но он не должен врать». Колчинский предстает перед нами смелым и

независимым человеком, ему веришь, его книги хочется читать, так как в них не просто реконструированы события прошлого и глубоко проанализированы различные проблемы, но основные идеи его работ позволяют правильно оценить современное состояние науки и определить стратегию нового поиска будущими поколениями исследователей.

«Ученый, дипломат, путешественник» — это глава о директоре ИИЕТ РАН в 2004—2009 гг. Алексее Владимировиче Постникове. Ни для кого не секрет, что он является выдающимся историком географии и картографии различных регионов мира. Постников — чрезвычайно увлеченный человек, способный отвлечься от личных и административных проблем ради научного поиска и работы со старинными географическими картами. Он много работал в архивах и библиотеках разных стран, ввел в научный оборот ранее неизвестные историко-научные факты и документы. Авторы монографии справедливо отметили еще один талант историка картографии — талант научного руководителя, обладающего высоким профессионализмом, обширными знаниями, увлекающий своих учеников историко-научной проблематикой. При рассмотрении его научной школы авторы приводят список его учеников, среди которых А. Э. Каримов, И. А. Захаренко, А. В. Псянчин, Л. С. Чекин, В. В. Глушков, О. С. Романова, Л. Л. Лекай, Т. В. Илюшина, А. В. Собисевич, Л. Н. Зинчук, А. А. Литвин. В книге приводятся многочисленные воспоминания

учеников Постникова о своем научном руководителе, периодизация его научной деятельности, анализ наиболее цитируемых работ исследователя. Алексей Владимирович напоминает нам естествоиспытателя XIX в. широтой своих знаний и преданностью науке, высокой культурой и интеллигентностью, стремлением передавать накопленный опыт молодому поколению, поэтому и глава об ученом-путешественнике написана в классическом историко-научном стиле.

Завершает книгу глава «“Неправильный” ученый?». Таким неординарным персонажем оказался директор института Юрий Михайлович Батурина, занимавший эту должность с 2010 по 2015 г. Жизненный путь его действительно уникален и часто вызывает восхищение современников. «Вечный студент» Батурина оказался восприимчивым к различным областям знаний. Поражает количество полученных им специальностей: он окончил факультет аэрофизики и космических исследований МФТИ, факультет правоведения Московского юридического института, факультет журналистики МГУ, высшие курсы Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, факультет международных отношений Дипломатической академии МИД РФ. О семейных корнях Батурина, его научных исканиях, полетах в космос, журналисткой и писательской деятельности, общественной работе повествует параграф «Пролегомены научной биографии». Еще с детства он проявлял интерес к различным сферам

деятельности, причем эти увлечения менялись, но Батурина снова возвращался к тому, что привлекало его внимание ранее. Юрий Михайлович с юмором описывает себя фразой писателя С. Ликока: «Он вскочил на коня и помчался в разные стороны». «Неправильный» ученый признается, что хотел бы стать членом математико-иронической школы Льюиса Кэрролла, возможно, это его романтическая иллюзия или игра серьезного и несерьезного, которые иногда проявляются между строк произведений Батурина. Юрий Михайлович часто иронизирует и по отношению к себе, и к своим научным заслугам, что говорит о высоком уровне его саморефлексии и природном оптимизме. Авторы монографии, тем не менее, отметили солидный вклад Батурина в науку, выделив основные достижения ученого, среди которых предвидение развития цифрового мира, первая в СССР монография по компьютерному праву, первый 3D-документ, переданный в архив, разработка правового режима 3D-документа, концепция турбулентной (вихревой) истории науки и техники.

Во всех главах рецензируемой монографии приводятся диаграммы распределения публикаций и количества ссылок на работы ученых — героев книги. Графики эти очень похожи, а люди, скрывающиеся за наукометрическими цифрами, разные, поэтому и рассмотрены в работе с различных ракурсов. Комплексная реконструкция биографий выдающихся историков науки и науковедов с привлечением различных

исследовательских методов (библиографический анализ, анкетирование, интервьюирование) позволила Кавуненко и Велентейчик в некоторой степени сделать портреты персонажей книги более живыми и человечными, умеющими шутить и переживать, оглядываться назад и думать о будущем. С щемящей тоской в сердце и огромным сожалением понимаешь, что ученые с наиболее востребованными в научном мире работами либо ушли из жизни, либо были уволены из института, став жертвами той самой тотальной наукометрической оценки их труда. Осознавая масштабность рассматриваемых в монографии «лидеров цитирования», становится ясно, что к гениальным людям эти оценки вообще неприменимы,

их нельзя поставить в определенные рамки и ограничить свободу поиска истины, они — наша история, хранители свободлюбивого духа ИИЕТ РАН, авторы оригинальных идей, составивших славу отечественной науки.

После прочтения монографии «Предопределенность и неожиданность» начинаешь задавать себе вопрос: действительно ли в судьбе героев книги можно проследить скрытую предопределенность событий или их жизненный путь только череда случайных явлений? Ответить на этот вопрос я так и не смог, возможно, разобратся в этой дилемме смогут читатели книги или будущие исследователи наследия выдающихся ученых ИИЕТ РАН.